РАЗДЕЛ VII. ФИЛОЛОГИЯ

Агапова С.Г., Осипова О.С.

Выражение иронии в постмодернистском художественном дискурсе на примере произведения «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева

Южный Федеральный Университет
(Россия, Ростов-на-Дону)

doi: 10.18411/lj-04-2019-83

idsp: ljjournal-04-2019-83

Аннотация

Вариативность выражения иронии проявляется в зависимости от рассматриваемого жанра, поэтому в рамках данной статьи мы проанализировали выражение иронии на примере одного из самых ярких постмодернистских произведений русскоязычного художественного дискурса. Анализ проведен в пределах семантических и синтаксических способов выражения иронии, что позволило наиболее полно сформировать общее представление о постмодернистской иронии и средствах ее выражения.

Ключевые слова: ирония, художественный дискурс, семантические и синтаксические способы, постмодернизм, самоирония.

Abstract

Diversity in irony expression is manifested depending on the analyzed genre. Therefore in this article we studied irony expression means using one of the most prominent examples of the Russian postmodern fictional discourse. The analysis was carried out within the frame work of semantic and syntactic language expressing means, which made it possible to shape the general understanding of postmodern irony and its expressive means.

Keywords: irony, fictional discourse, semantic and syntactic language means, postmodernism, self-parody.

Для проведения научного исследования было выбрано одно из самых ярких произведений русского постмодернистского художественного дискурса «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева. На основе проанализированных примеров, мы пришли к выводу, что для автора характерна гротескно-гиперболизированная манера повествования, которая выражается, в основном, в ироничных риторических восклицаниях, обращениях и вопросах. Рассмотрим несколько самых ярких примеров:

(1) «— Так когда же вчера ты купил свои гостинцы? После охотничьей? Нет. После охотничьей мне было не до гостинцев. Между первым и вторым стаканом охотничьей? Тоже нет. Между ними была пауза в тридцать секунд, а я не сверхчеловек, чтобы в тридцать секунд что-нибудь успеть. Да сверхчеловек и свалился бы после первого стакана охотничьей, так и не выпив второго... Так когда же? Боже милостивый, сколько в мире тайн! Непроницаемая завеса тайн! До кориандровой или между пивом и альб-де-дессертом?» [1]

В данном примере преобладают синтаксические способы выражения иронии, но при этом присутствуют и другие средства. В представленном отрывке мы наблюдаем вопросно-ответный монолог автора с самим собой, причем ирония проявляется в том, что он сравнивает себя со сверхчеловеком, и сверхчеловек [3] ему в этом сравнении проигрывает, ведь автор смог выпить два стакана водки, а сверхчеловек не смог бы: «Да сверхчеловек и свалился бы после первого стакана охотничьей, так и не выпив второго...». Использование оборота с присоединительным союзом «да и» добавляет речи спонтанность и эмоциональность. Затем ирония автора усиливается с помощью продолжения монолога, переходящего на риторические обращения («Боже милостивый, сколько в мире тайн»), восклицания («Непроницаемая завеса тайн!») и вопросы («До

кориандровой или между пивом и альб-де-дессертом?»). Здесь можно проследить повышенную гиперболизированность речи героя (автора), которому непременно важно знать, когда же он купил гостинцы, в какой период между употреблением алкоголя. Прямое обращение к богу создает комический эффект, так как в семантическом плане опять прослеживается противопоставление «тайны» – «покупка гостинцев», то есть автор приравнивает обыденное действие к «непроницаемой завесе тайн», причем автором используется книжное слово «завеса», видимо для того, чтобы показать, что его герой (он сам) является образованным человеком, или хочет таким казаться. Опускание слова водка («после первого стакана охотничьей», «до кориандровой») и отсутствие объяснения к слову «альб-де-дессерт» (молдавское белое десертное вино [2]), возможно, сделано для придания речи более разговорного оттенка, т. е. создается эффект, как будто читатель уже знает, что такое «охотничья», «кориандровая», и «альб-де-дессерт», возможно, этим автор даже намекает на то, что читатель представляется автору таким же «знатоком», то есть является представителем «Ерофеевых». В последнем предложении для создания живой, разговорной речи автором использован эллипсис: «До кориандровой или между пивом и альб-де-дессертом?», где подразумевается фраза из первого предложения «когда же ты вчера купил свои гостинцы?». Таким образом, можно даже предположить, что в данном отрывке присутствует комично-гротескное изображение главного героя, который серьезен сам для себя, но из-за своей экспрессивности смешон для читателей.

(2) «Поразительно! Я вошел в вагон и сижу, страдаю от мысли, за кого меня приняли – мавра или не мавра? плохо обо мне подумали, хорошо ли? А эти – пьют горячо и открыто, как венцы творения, пьют с сознанием собственного превосходства над миром... «Закуска типа „я вас умоляю“!...» Я, похмеляясь утром, прячусь от неба и земли, потому что это интимнее всякой интимности!.. До работы пью – прячусь. Во время работы пью – прячусь... а эти!! «Транс-цен-ден-тально!»» [1]

В данном отрывке наблюдается повышенная экспрессия автора, которая выражается в вопросно-ответной форме монолога с самим собой. Из данного текста можно понять, что автора возмущает то, с каким отношением пассажиры поезда пьют, и, сравнивая их с собой, автор иронизирует над ними и их манерами, передразнивая их. Отрывок начинается с риторического восклицания, которое можно интерпретировать как иронично-негодующее, так как затем следует текст, подтверждающий это: «Я вошел в вагон и сижу, страдаю от мысли, за кого меня приняли – мавра или не мавра? плохо обо мне подумали, хорошо ли? А эти – пьют горячо и открыто, как венцы творения, пьют с сознанием собственного превосходства над миром...». В отрывке видно, что автор противопоставляет себя выше описываемым людям; он оправдывает себя, стыдится того, что пьет, и ему важно, что о нем подумают другие. В контраст к себе (противительный союз «а»), автор говорит о пассажирах – «эти», используя пренебрежительную форму обращения. Он сравнивает их с венцами творения, то есть с чем-либо идеальным, совершенным, и упоминает, что они и сами сознают свое превосходство над миром. Здесь видно семантическое противопоставление «алкоголик» – «венец творения». К тому же автор употребляет лексические повторы слова «пьют» для того, чтобы привлечь внимание читателя к данному факту. Автор заканчивает предложение многоточием, и затем иронично добавляет, эмоционально передразнивая пассажиров и цитируя их: «Закуска типа „я вас умоляю“!...». Далее автор прибегает к дальнейшему сравнению пассажиров с собой и выставляет себя в выгодном для читателя свете: «Я, похмеляясь утром, прячусь от неба и земли, потому что это интимнее всякой интимности!.. До работы пью – прячусь. Во время работы пью – прячусь...». В данном предложении можно увидеть иронию и по отношению к самому себе, так как проявляется контраст «опохмеление» – «интимность», к тому же автор использует сравнительную форму прилагательного для усиления значимости высказывания «интимнее всякой интимности!»; восклицательная форма предложения говорит о том, что автор взволнован и для него важно то, о чем он говорит. Затем автор использует параллелизм: «До работы пью – прячусь. Во время работы пью – прячусь...» для усиления воздействия на читателя и, с помощью многоточия, подводит к контрастному сравнению с другими пассажирами: «а эти!! «Транс-цен-ден-тально!»». Автор использует два восклицательных знака вероятно для

того, чтобы показать наивысшую степень своего негодования. Автор снова передразнивает своих попутчиков, цитируя их, причем в этот раз по слогам, для того чтобы показать высшую форму своего эмоционального накала. В итоге можно проследить иронию, как и по отношению к автору, (который ничем не лучше своих попутчиков, ведь он все равно является алкоголиком, вне зависимости от того, стыдно ему от этого или нет) так и по отношению к попутчикам автора, над которыми сам автор и насмехается.

(3) *«Например, в Павлово-Посаде. Меня подводят к дамам и представляют так:*

– А вот это тот самый, знаменитый Веничка Ерофеев. Он знаменит очень многим. Но больше всего, конечно, тем знаменит, что за всю свою жизнь ни разу не пукнул...

– Как!! Ни разу!! – удивляются дамы и во все глаза меня рассматривают. – Ни разу!!» [1].

В самом начале автор использует парцелляцию для создания эффекта разговорной речи, возможно, для того чтобы показать, что автору не хватает воздуха или ему нужна пауза для того чтобы начать рассказ (ведь автор почти всегда пьян). Ироничное представление автора женщинам выражается в семантическом противопоставлении «тот самый», «знаменитый» – «ни разу не пукнул». То есть над автором открыто насмехаются, расхваливая его за то, что он никогда не совершал в действительности обыденное действие. Ирония выражается в расхваливании автора путем использования определительного местоимения «тот самый», которое актуализирует внимание на авторе, создавая эффект того, что его все уже должны знать. Использование уменьшительно-ласкательной формы «Веничка» создает несерьезное, шутовское отношение к автору и характеризует диалог как разговорно-бытовой. Затем представляющий как будто хочет заинтриговать слушателей и отмечает, что: *«Он знаменит очень многим»*. Финальная фраза развенчивает всю серьезность представления и создает комический эффект: *«Но больше всего, конечно, тем знаменит, что за всю свою жизнь ни разу не пукнул...»*. В предложении используются лексические повторы слова «знаменит», а вводное слово «конечно» выражает уверенность говорящего, что, в итоге, усиливает ироничный эффект. Слово «пукнуть» является просторечно-разговорным и придает соответствующую шутивно-озорную окраску всему диалогу. Далее ирония выражается в том, что слушающие дамы в ответ с удивлением восклицают: *«Как!! Ни разу!!»*, а затем еще раз повторяют *«Ни разу!!»*, что можно расценивать и как их мнимое восхищение и как ироническое риторическое восклицание.

В произведении преобладает также и ирония автора над самим собой, которую можно проследить в следующих примерах:

(1) *«Первое издание «Москва – Петушки», благо было в одном экземпляре, быстро разошлось» [1].*

В данном примере чувствуется самоирония автора к своему же произведению. Автор употребляет вводную конструкцию «благо было в одном экземпляре» (издание), которая говорит о том, что автор рад, что первое издание было лишь в одном экземпляре, так как слово «благо» выражает что-либо хорошее и несет положительную маркировку. За счет этой вводной конструкции и достигается эффект иронии, который выражается в том, что первое издание быстро раскупили, учитывая тот факт, что был всего один экземпляр. То есть, издание в любом случае бы быстро разошлось, так как его количество было предельно мало. Автор как будто хвалится быстрой продажей своего издания (так как информация о быстрой продаже заключена в основной теме предложения), но с другой стороны подмечает, что хорошо, что оно было лишь в единственном экземпляре (эта информация как бы невзначай заключается в вводной конструкции). Таким образом, ирония в данном примере строится на основе семантического противопоставления между частями предложения.

(2) *«Что было потом – от ресторана до магазина и от магазина до поезда – человеческий язык не повернется выразить. Я тоже не берусь. А если за это возьмутся ангелы, – они просто расплачутся, а сказать от слез ничего не сумеют» [1].*

В данном отрывке автор создает эффект гротеска по поводу произошедших событий, которые в действительности не представляют особой важности. По его

имплицитной подсказке читатель понимает, что автор, который является главным героем, скорее всего, пил; но автор предпочитает не озвучивать это, а даже наоборот, утверждает, как общеизвестную истину, что «человеческий язык не повернется выразить», используя фразеологизм «язык не поворачивается» для придания речи экспрессивности и разговорного оттенка. Здесь мы видим иронию по отношению к самому себе: «Я тоже не берусь», – автору как будто не под силу описать то, что с ним произошло, хотя читателю и так это известно. Далее иронический эффект усиливается за счет сравнения человека и ангела: «А если за это возьмутся ангелы, – они просто расплачутся, а сказать от слез ничего не сумеют», то есть здесь мы видим и градацию «человек – автор – ангелы» (постепенное усиление значимости высказывания) и гиперболу, которая выражается в том, что ангелы при попытке описать что произошло «просто расплачутся, а сказать от слез ничего не сумеют». То есть ирония проявляется в том, что даже таким идеальным существам не под силу описать произошедшие с главным героем события, и более того, от этой попытки им станет еще хуже. В данном случае распознать иронию помогают лексико-семантические контрасты «человек – ангел», сравнивается земной человек и божественное существо, которое в данном конкретном предложении приравнивается к человеку. Ограничительная частица «просто» добавляет речи разговорный оттенок и усиливает значимость высказывания, также как и союз «а» в начале и середине предложения; причем союз «а» помогает еще более ощутить разницу между человеком и ангелом, и ярче увидеть неспособность второго как-либо выразить произошедшие события.

Итак, на основе проанализированных примеров можно сделать вывод, что среди средств выражения иронии присутствуют как семантические, так и синтаксические, представленные в таблице 1.

Таблица 1

*Семантические и синтаксические способы выражения иронии
в произведении «Москва-Петушки»*

Семантические	противопоставление
	экспрессивная и оценочная лексика
	книжная и устаревшая лексика
	диминутивы
	слова высокого стиля
	устойчивые сочетания
	тропы
	сравнение
	сниженная лексика
Синтаксические	вводные конструкции
	риторические восклицания, обращения, вопросы
	эллипсис
	умолчание
	повторы
	градация
	вопросно-ответная форма монолога
	восклицательные предложения

Таким образом, можно подытожить, что постмодернистская ирония В. Ерофеева имеет ряд характерных черт: повышенная эмоциональность и экспрессия, гиперболизация, гротеск, самоирония, контрасты и сочетания несочетаемого.

1. Ерофеев В.В. Москва-Петушки. / В.В.Ерофеев. – М.: Захаров, 2007.–192 с.
2. Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: <http://www.terminy.info/russian-language/historical-dictionary-of-russian-language-gallicisms/alb-de-desert>.
3. Портал «Академик». [Электронный ресурс]: Словарь крылатых слов и выражений. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords/.